

вопрос о том, *может ли он сотворить такой камень, который сам поднять не может*, — вопрос, содержащий момент униженности бога и только потому и его могущества, то для философского камня, а тем более для адепта такой вопрос нелеп. Причастность к богу — не через *нищету духа*, а через *гордыню духа*. Бог равен самому себе. Средневековые антитезы недвижны, взаимодействие снято, или почти уже снято, в алхимическом *Великом деянии*. Оно, это *деяние*, индивидуально одиноко. *Парацельс*, произносящий еретическую алхимическую инвективу авторитаризму стадности во имя авторитаризма гордого адепта-одиночки: *«Следуйте за мною, ты, Авиценна, ты, Гален, ты, Разес... Следуйте за мной, а я не пойду за вами. Вы из Парижа, вы из Монпелье, вы из Швабии, вы из Мейссена, вы из Кельна, вы из Вены, вы из тех мест, что лежат по берегам Дуная и по течению Рейна, вы с островов на море; ты, Италия, ты, Далмация, ты, афинянин, ты, грек, ты, араб, и ты, израильтянин, следуйте за мной, а я не пойду за вами. Не я — за вами, а вы следуйте моим путем, и пусть ни один не укрывается за угол, чтобы не осрамиться, как собака. Я буду монархом и будет моя монархия. Поэтому я управляю и опоясываю чресла»* (Фигуровский, 1969, с. 146; *Paracelsi*, 1603, II, с. 4—5).

ИТАК, внешнее сходство алхимического и христианского богов как будто оборачивается их глубинным различием. Словно сошлись два мифа в идейном противостоянии. Один — культурный — миф о *Христе*, другой — межкультурный — миф о *философском камне*, сигнал о новой культуре, возникшей в точке преобразования культуры христианского средневековья, на границе выхода за пределы. Конструирование по образцу, а значит, сотворение остраненного образа, в котором главная боль средневековья особенно болит.

Грубое единение *духа* и *плоти* через алхимического посредника кажется доступней утонченного единения в чистом христианстве. Напротив, акция *коллективного спасения* как будто оборачивается акцией *спасения индивидуального*. Общение с самим собой. Общение внутри элиты. Тайный герметизм. Надменное бормотание посвященных.

«Знающий не говорит, говорящий не знает». Этот принцип *Лао-цзы* (VI—V в. до н. э.), сам того не подозревая, живет в тайном алхимическом знании, сообщенном *«детям истины»* не столько богами, сколько *падшими*, богом отвергнутыми *ангелами*, которые *«указали на тайны металлов, научили свойствам трав, открыли силу заклинаний и преподали всяческие любопытные знания — до истолкования звезд включительно»*. Они же, *падшие ангелы*, *«научили всяким прельщениям, доставили золото, серебро и изделия из них, научили красить шерсть»* (Berthelot, 1885 [1938], с. 12). Оккультизм проникает и ремесло, герметизируя и его. Тайна, запрет может идти и прямо от бога. Тезис о боговдохновенности алхимии — хороший путь приобщиться к обыденному сознанию средневекового человека: *«Философы поклялись этого (разрядка здесь и далее моя.— В. Р.) никогда не называть людям и не записывать этого»*